

Приснилось: папа выпустил книгу «Записки счастливого человека». Во сне прочитала её всю. Пятьсот страниц. На каждой было только пять слов: «Ушёл на рыбалку. Целую, Толя». Проснулась счастливой. Подумала: надо её издать. Сначала хотела сделать в точности как во сне — пятьсот страниц, пятьсот рыбалок. Потом решила расширить территорию счастья и пригласила к сотворчеству читателей моей странички в Facebook. Попросила следовать образцу «Ушёл/ушла туда-то. Целую, имярек». Собрала множество записок и вплела их в книгу. Спасибо, милые соавторы. Спасибо за название, папа. Можно я посвящу эту книгу тебе?

Время ремешком часов
врезалось в запястье.
Встреча стрелок. Ты готов,
дегустатор счастья,
откупорить новый год?
Придерживай пробку,
начинай обратный счёт,
надрывай коробку,
уверь, что очень рад.
Тостов нескладуха,
поцелуи невтопад:
в нос, в подбородок, в ухо.

1 ЯНВАРЯ

На стене в гринрум —
список чужих вещей,
найденных хозяевами
после новогодней вечеринки:
жилетка (Коли Терентьева),
шарф (Вани Яропольского),
шапка (Франческо Бифано),
носки (Машеньки Ленцман),
пончо (Лизы Павловой),
щётка (Ромы Дубинникова),
зарядка для телефона (неведомо чья),
подарок на день рождения (Юры Делиева),
подарок на новый год (мой).

Яства на тарелки класть им,
их рассаживать по парам.
С новым годом, с новым счастьем —
хорошо забытым старым!
Бьют куранты — восемь, девять...
Я пишу на клочке бумаги, поджигаю
от свечи, обжигаю пальцы, бросаю
недогоревшую записку в бокал
с шампанским, пью, давлюсь, глотаю
с трудом, как таблетку, под рокот
салюта за окном заветное желанье:
«Снова научиться делать
из мечты воспоминанья».

2 ЯНВАРЯ

Новый год — новёхонький,
с иголки, вытряхнутой
из туфельки-лодочки,
алой,
с позолоченной каймой.
Шар земной,
ты —
подкаблучник
мой.
Старая кокетка: «Какой из трёх моих
подбородков нравится тебе больше?»

Вот и я жила как все,
бегу рада
белкой-стрелкой в колесе
циферблата
в закольцованную даль
монорельса.
Но сломался календарь.
Перегрелся.

3 ЯНВАРЯ

догоняла
спешила
и сует суета
под шумок превратила
некогда
в
никогда
непреклонность устава
седина инженеру
не успела
устала
всё равно догоню

Чистая тетрадь.
Красная строка.
Заново назвать
раз и на века
солнечный мороз
и ковры снегов.
Как это звалось
раньше, до стихов?

4 ЯНВАРЯ

*«Сегодня
пришло в голову
дурацкое:
а до Пушкина
в мороз и солнце
день тоже
был чудесный
или ну норм,
день как день?»*
Пост в Facebook
Ольги Белоградской

Пёрышки, пух и прах —
снег — не пойманных слов.
На Воробьёвых горах
больше нет воробьёв.
Поторопись, запиши
их, синиц, снегирей
в красную книгу души.
Прямо сейчас. Скорей!

5 ЯНВАРЯ

Лев Мышкин,
Воробьёвы Горы —
поединок
большого и маленького.
Маленькое побеждает —
большое
становится
милым.

Я — душа компании,
прима вечеринки:
подыграла арии,
полистала снимки,
деток приголубила,
ночевать осталась, —
в человеколюбии
попрактиковалась.

6 ЯНВАРЯ

Слова в стихотворении — люди
в переполненном лифте: тесно прижаты друг
к другу, по-разному к этому относятся, лифт
несётся (вверх? вниз?), двери открываются...
Господи, где это мы? Или — не открываются.
И мы кричим в переговорник:
— Спасите! Мы застряли в лифте!
И слышим из переговорника:
— Подумаешь, в лифте они застряли. Вся
Москва в пробке стоит!

Ангелы допели.
Увели овечек.
В бедной колыбели
Богочеловечек
гулит, дули крутит,
пузыри пускает,
будущее будит,
грехи отпускает.

7 ЯНВАРЯ

Рождественская амнистия.
Ангелы на снегу.
Устами младенца истина
глаголет: агу, агу.
Мадонна в старом халатике.
Сыплется снежный прах.
Блестит молоко галактики
на неумелых устах.

Среди зимы трескучей
мне в ощущениях дан
раскидистый плакучий
развесистый фонтан.
Живой водою брызги,
изольда изо льда!
Нет вечности без жизни.
Невечна мерзлота.

8 ЯНВАРЯ

Лица. Лики. Морды.
Стены из книг и нот.
Вечная *amorte*.
Бессмертный *Liebestod*.
Ангелы, позвольте
музыку взять с собой!
Вагнер, смерть Изольды.
Шуберт, «Ты мой покой»,
Du bist die Ruh', D.766 на стихи Рюкерта.
В исполнении Гундулы Яновиц. В юности
я ставила эту пластинку чуть ли не каждый
день. Училась у неё любить. *Ars amandi?* —
Музыка.

К тебе. Под одеяло. С головой.
Какой простор для нежностей телячьих
даёт живот сухой горячий твой.
Рой поцелуев. Адеяло, спрячь их
от глаз неласковых неверных жён
твоих, мужей моих, земля им пухом.
Я слышу крови колокольный звон,
к родному паху припадая ухом.

9 ЯНВАРЯ

Да, двойное гражданство:
явь и сонное царство.
Нельзя? Конечно, нельзя.
Но закрывают глаза
на это на границе.
И мне свобода снится.